

БЕСЕДЫ О ВАРЛАМЕ ШАЛАМОВЕ

ИМЯ ЗАМЕЧАТЕЛЬНОГО русского писателя Варлама Тихоновича Шаламова долгое время читателям было почти неизвестно. При его жизни вышло всего пять поэтических сборников. Первая книга «Огниво» увидела свет только в 1961 году, когда автору было 54 года. Последняя — «Точка кипения» — в 1977 году, за пять лет до смерти. Но критика выход поэтических книг Шаламова почти не замечала. Что же касается прозы, то о ней знал в нашей стране довольно узкий круг литераторов. При жизни Шаламова его проза не публиковалась. Хотя специалисты всегда считали Шаламова одним из крупнейших мастеров слова, а колымские рассказы — вершиной его творчества.

Что мешало творчеству Шаламова прийти к читателю раньше? Почему его колымские рассказы не были опубликованы, например, в годы «оттепели»? С этими вопросами я обратился к заместителю директора Центрального государственного архива литературы и искусства СССР, ответственному секретарю комиссии по литературному наследию писателя И. П. Сиротинской. Она часто встречалась с писателем, подолгу с ним беседовала. Последние 16 лет жизни Шаламова прошли фактически на ее глазах.

— Свои рассказы Варлам Тихонович предлагал издательствам не раз, — говорит Ираида Павловна. — Но всегда получал отказ. Рецензенты охотно отмечали высокий литературный уровень рукописей, но считали, что публиковать эти рассказы нельзя. В архиве писателя сохранился один из таких отзывов. Известный критик Ан. Дремов 15 ноября 1963 года писал: «Думаю, что опубликование сборника «Колымские рассказы» было бы ошибочным. Этот сборник не может принести читателям пользы, так как натуралистическая правдоподобность факта, которая в нем несомненно содержится, не равнозначна истинной большой жизненной и художественной правде, которую читатель ждет от художественного произведения».

— Судя по датам, многие стихи были написаны Шаламовым в лагере. Как удалось ему сохранить рукописи? Или Шаламов все свои стихи знал наизусть?

— Записывать стихи Шаламову удалось только с сорока девятого года. Иметь тетради раньше, а тем более хранить бумаги никакой возможности у него не было. В лагерных бараках постоянно перетряхивали все вещи заключенных. Если у кого находили блокноты, тут же следовало новое жестокое наказание.

Записывать стихи Шаламову помог случай. В 46-м году благодаря врачу — заключенному Андрею Максимовичу Пантюхову он попал на фельдшерские курсы, а через некоторое время его отослали в так называемую таежную лагерную командировку на «Ключ Дусканья». На новом месте ему удалось соорудить небольшой фельдшерский пункт. Там Варлам Тихонович хранил свои бумаги.

Все тетради — самодельные. Шаламов использовал даже оберточную бумагу. Он аккуратно сшивал все свои листочки. Переправить их из Колымы было очень сложно. В 51-м году у Шаламова окончился лагерный срок заключения. Его оставили в небольшом колымском поселке Дебин на поселение. В это время он был фельдшером приемного покоя лагерной больницы. У него появилась своя маленькая комнатка, в которой хранил все записки. В 52-м году Варлам Тихонович переписал стихи и с врачом Е. А. Мамучавшии отправил их в Москву жене, которая передала все тетради Пастернаку.

— А за что Шаламова арестовывали?

— Его арестовывали дважды. Первый раз в 1929 году. Шаламов тогда был студентом МГУ. Он обвинялся в распространении якобы фальшивого, а на самом деле подлинного ленинского письма XII съезду партии. Почти три года пришлось ему отработать в лагерях Западного Урала, на Вишере.

Кстати, многие вишерцы из вольнонаемных после окончания строительства целлюлозно-бумажного комбината поехали в 1932 году за своим руководителем, известным чекистом Э. П. Берзиным осваивать золотую Колыму. Эдуард Петрович, назначенный начальником треста «Дальстрой», пригласил тогда в Магадан и Шаламова. Но Варлам Тихонович отказался. Он предполагал всецело заняться лите-

ратурными делами, поэтому вернулся в Москву. В 1936 году журнал «Октябрь» напечатал его первый рассказ «Три смерти доктора Аустина».

Писал Шаламов тогда много. Позже он признавался, что у него было почти 150 готовых сюжетов для рассказов. Но в 37-м его снова арестовали якобы за «старые грехи».

На этот раз он оказался в колымских лагерях. Но Берзина на Колыме уже не было. Эдуард Петровича самого объявили врагом народа, а вскоре расстреляли.

В архиве Шаламова сохранился конспект романа о Берзине. Сам роман Шаламову написать не удалось. Но конспект можно рассматривать как законченный очерк. Сюжет его просто страшен: Берзин лежит на нарах, ожидает расстрела и вспоминает свою жизнь — Октябрьскую революцию, подавление левозсеровского мятежа, участие в раскрытии знаменитого «заговора послов», строительство Вишерского комбината, начало освоения золотой Колымы...

— Как складывалась послеколымская судьба писателя?

— В 53-м году ему разрешили вернуться в центральные районы страны, но без права проживания в больших городах. На два дня Шаламову удалось захватить в Москву, чтобы повидать жену и дочь, встретиться с Пастернаком. А жить он устроился в Решетникове Калининской области. Работал на торфоразработках агентом по снабжению. Тогда же были написаны его первые колымские рассказы.

А в июле 1956 года Шаламова полностью реабилитировали. Он вернулся в Москву, но очень скоро тяжело заболел и вынужден был оформить пенсию. Сначала ему назначили гроши. Но потом из Магадана прислали справку о том, что он 10 лет провел на подземных работах, и ему дали пенсию 72 рубля. На эту «большую сумму» он и прожил до конца своих дней.

Все эти годы Шаламов продолжал писать колымские рассказы. Он подготовил шесть сборников.

— А разве «Колымские рассказы» — это не одна книга?

— Нет, это шесть разных

сборников. В 1954—1955 годах Шаламов написал два сборника: «Колымские рассказы» и «Очерки преступного мира». Затем он два года работал над сборниками «Левый берег» и «Артист лопаты». К 1966—1967 годам относится рукопись книги «Воскрешение лиственницы». Над последним сборником «Перчатка или КР-2» Шаламов работал уже в начале 70-х годов.

— Вероятно, по мере работы над колымскими рассказами взгляды и настроение писателя менялись?

— Когда Шаламов только начинал работу над колымскими рассказами, он полагал, что это вызовет читательский интерес, послужит делу нравственного очищения общества. А в 72-м году Варлам Тихонович признавался мне, что пришел к мысли: колымские рассказы никому не нужны. Он говорил: «Людьми необходимы банальные вещи, изложенные банальным языком. Никто ничего не хочет знать».

— Известно, что творчество

мысль не безусловна, иногда верна, иногда нет, поэтому в эту четверку я его не включаю.

Кроме того, есть, конечно, и много хороших стихотворений... Но уж они не дают подлинного представления о Вас. Однако я бурчу, а надо радоваться: тираж уже похож на человеческий, его прочтут уже не столько, сколько «Огниво». И я твердо верю, что мы доживем до дня, когда и «Колымская тетрадь» и «Колымские рассказы» тоже будут напечатаны. Я твердо в это верю! И тогда-то узнают, кто такой есть Варлам Шаламов».

— Как Шаламов воспринимал свою безвестность среди широкого читателя?

— Он знал, что у него есть веское имя в узком кругу писателей. Но ему хотелось, чтобы колымские рассказы стали достоянием и широкого читателя. А это не получалось. Шаламову казалось, что почти все, чему он отдал жизнь, современникам не нужно. Это привело к глубокому душевному кризису.

ПОБЕДИТЬ В СЕБЕ РАСТОПТАННОГО ЧЕЛОВЕКА

Шаламова высоко оценивал Солженицын...

— Этому есть документальные подтверждения. В архиве Шаламова сохранилась их переписка.

— Как она возникла?

— По-видимому, в начале 60-х годов. Они в то время были творчески близки, нередко встречались, переписывались. Позже их отношения по разным причинам прервались.

Сохранились их письма 60-х годов. В ноябре 1962 года Варлам Тихонович писал Солженицыну о своих впечатлениях от повести «Один день Ивана Денисовича»: «Повесть — как стихи — в ней все совершенно, все целесообразно. Каждая строка, каждая сцена, каждая характеристика настолько лаконична, умна и глубока, что я думаю, что «Новый мир» с самого начала своего существования ничего столь цельного, столь сильного не печатал...

Я благодарю Вас от имени миллионов мертвых, десятков тысяч сохранивших жизнь. Я твердо убежден, что без честного решения этого главного вопроса (сталинского времени) литература не сможет двигаться вперед, и все сочиненное в обход, в обман только вызовет неизбежное недоверие, отвращение». (Печатается по черновику письма, хранящегося в ЦГАЛИ).

А вот что Солженицын писал 24 марта 1964 года Шаламову из Ташкента, прочтя его сборник стихов «Шелест листьев»:

«Тому, кто Вас совсем не знает, — и по этому сборнику тоже можно представить Вашу подлинную силу — но об этом читатель должен догадаться по «Пню», «Пауку», «Памяти», «Оде ковриге хлеба» (эти два Вы второй раз включаете, и хорошо делаете) — стихотворениям великолепным, ни в чем не ниже всего того, что я у Вас так люблю. «Поэзия — дело серых» — тоже из этого ряда, но выраженная

— Если к советскому читателю колымские рассказы Шаламова только приходят, то за рубежом они уже не раз издавались. Это происходило с ведома писателя? Как относился Шаламов к зарубежным публикациям своих произведений?

— Я уже говорила о том, что Варлам Тихонович не раз предлагал свои рукописи нашим издателям. Вероятно, кому-то из работников издательства или рецензентов удалось сделать копии. Во всяком случае в разное время по Москве ходило немало копий с рассказами Шаламова. Видимо, они попали и на Запад. Некоторые западные издательства, печатая рассказы Шаламова, подчеркивали, что это — самиздат. Сам писатель разрешения на публикацию своих произведений за рубежом не давал.

Западные издания колымских рассказов удовлетворения Шаламову не принесли. Эти рассказы были оплачены жизнью, кровью и предназначались прежде всего отечественному читателю. К тому же его имя и творчество порой использовались на Западе и в далеких от литературы целях. Шаламов говорил: «Нельзя спекулировать на чужой крови».

— Что превыше всего Шаламов ценил в людях?

— Больше всего Шаламов ценил в людях честность, сердечность. Но он совершенно непримирим был к таким качествам в людях, как доноительство, воровство и пьянство. Причем Варлам Тихонович не отличал большой поступок от малого. Он не терпел, например, законченных пьяниц и тех, кто выпивал самую малость. Здесь писатель был абсолютистом. Если замечал у кого-нибудь страсть к спиртному или «присваивать» чужие книги, в прямом смысле спускал такого человека с лестницы. В квартиру его не пускал.

— Какова судьба писательского архива?

— Еще с 66-го года Шаламов стал постепенно передавать свой архив к нам в ЦГАЛИ. Начал он с самой ценной части, передал письма Пастернака и оригиналы колымских стихов и рассказов. А когда Варлам Тихонович почти полностью ослеп и оглох и его собирались поместить в дом инвалидов, он пригласил меня к себе и передал в ЦГАЛИ все свои материалы, вплоть до последней бумажки.

Теперь, закончив разбор и описание архива Шаламова, я увидела некоторые пробелы в его собрании. Отсутствуют, в частности, оригиналы кое-каких поэтических тетрадей. Насколько я знаю, они в настоящее время хранятся в частных руках. Нет у нас авторских копий ряда прозаических произведений Шаламова, в которые рукой писателя были внесены важные поправки. Учитывая, что почти не было прижизненных публикаций писателя, все эти материалы имеют большую ценность для текстологов. Вообще текстологам предстоит огромная работа. Надо будет сравнить все сохранившиеся варианты множества произведений писателя. Особенно велико количество вариантов поэтических произведений Шаламова.

— Какие произведения Шаламова готовятся сейчас к печати?

— Издательство «Советский писатель» уже в этом году выпускает однотомник стихотворений Шаламова. В будущем году сборники колымских рассказов обещают выпустить издательство «Художественная литература» и Магаданское издательство. В московское издание войдут в основном сборники «Колымские рассказы», «Воскрешение лиственницы», а также рассказы 30-х годов, а в магаданское — произведения из других авторских сборников.

В журнале «Наше наследие» готовится к печати автобиографическая повесть «Четвертая Вологда», а в «Юности» — переписка с Пастернаком.

Надеюсь, что найдут своего издателя и читателя и воспоминания Шаламова разных лет, близкие по своему характеру к жанру автобиографических повестей.

Радостно, что творчество Шаламова наконец обретает своих читателей. Безусловно, читать его колымские рассказы непросто. Сам писатель признавался, что рассказы — «это судьба мучеников, не бывших, не умевших и не ставших героями». Лагерь он считал отрицательным опытом для человека — с первого до последнего часа. «Ни один человек не становится ни лучше, ни сильнее после лагеря», — утверждал Шаламов, но против чего вольно или невольно возражали авторы первых закрытых рецензий на его произведения. Соглашаясь в главном с писателем, я, прочитав в «Новом мире» подборку колымских рассказов, пришел к мысли, что сам Шаламов, в свое время перемолотый зубьями лагерной машины, все-таки сумел через искусство подняться и победить в себе растоптанного человека. Только поэтому его творчество с годами не потускнело и оказалось долговечным.

Беседу вел Вячеслав ОГРЫЗКО.

В одном из будущих номеров мы напечатает не опубликованные произведения В. Шаламова.